

УДК 94(470):33

DOI: 10.37482/2687-1505-V059

*ПОПОВА Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории России, историографии и источниковедения, профессор кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970>

УЧЕТ И КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ РЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА В СОЗНАНИИ ГРАЖДАН ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ» (по материалам «писем во власть»)¹

В статье рассматривается отношение общества к экономическим реформам в период 1989–1990 годов, в частности предложения граждан по улучшению экономической системы страны. Основу работы составляет анализ неопубликованных обращений граждан к руководителям страны – Б.Н. Ельцину, М.С. Горбачеву – и в советские газеты. В статье ментальная рефлексия не только раскрывается на уровне социологических опросов, но и обнаруживает эмоции, чувства, ментальные образы мыслей адресантов писем. Автор приходит к выводу, что многие граждане боялись погружения страны в капиталистические отношения и болезненно воспринимали новации периода «перестройки». Особенно сильно ломали привычные ментальные стереотипы кооперативное движение и частная индивидуальная деятельность. «Письма во власть» демонстрируют слабое понимание законов рыночной экономики: в сознании их авторов пересекались порой фантастические и парадоксальные предложения, большинство которых сводилось к совершенствованию функционирования прежнего бюрократического механизма плановой экономики. Проведенный анализ показывает, что на сознание граждан большое влияние оказывало представление о двуполярности мира, а также учение В.И. Ленина о социалистическом государстве, в частности его идеи о роли учета и контроля в функционировании советского государства. Письма граждан свидетельствуют о том, что в общественном сознании существовала надежда улучшить систему советской экономики путем совершенствования

*Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; e-mail: od-popova@mail.ru

Для цитирования: Попова О.Д. Учет и контроль как механизм решения экономических проблем общества в сознании граждан периода «перестройки» (по материалам «писем во власть») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 6. С. 15–28. DOI: 10.37482/2687-1505-V059

¹Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130\18).

системы учета и контроля, ужесточения нормативных норм регулирования экономики, нормированного распределения товаров. Многие авторы верили в незыблемость советской социалистической системы и считали возможным улучшить экономическую жизнь страны за счет административных реформ сверху.

Ключевые слова: *плановая экономика, перестройка, рыночная экономика, нормированное распределение товаров, кооперативное движение, частная собственность, «письма во власть», бюрократизм.*

Важнейшими элементами гражданского общества выступают частная собственность, многоукладность экономики и рыночные отношения. Рыночные отношения гарантируют гражданам личную экономическую автономию, независимость и свободу, а субъектам хозяйствования – свободу предпринимательства, товарного обращения, конкуренции и т. д. [1, с. 137; 2, с. 325]. И очень важными для строительства гражданского общества являются понимание общественным сознанием законов рыночной экономики, позитивное отношение к ним. Поэтому представляется необходимым изучение процесса становления новых экономических отношений на уровне не только различных социальных институтов, но и ментальных восприятий.

В современной научной литературе механизм зарождения новых экономических отношений в годы «перестройки» получил освещение в трудах М.Ф. Полюнова, Е.А. Тарасовой и И.В. Упорова, которые рассматривали процесс выработки экономических реформ со стороны государственного аппарата [3, 4]. Как отмечает И.В. Упоров, на первом этапе «перестройки» усилия руководства страны были прежде всего сосредоточены на очень аморфных экономических преобразованиях, которые сводились к мобилизации человеческого фактора, и преобразованиях в рамках советской системы [4, с. 59]. На апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 года проявилась идея некоторой децентрализации экономики, введения хозрасчета и заинтересованности коллектива. Под влиянием нового импульса перемен начался активный процесс трансформации советской плановой экономики в советскую рыночную экономику. В 1986 году был принят закон об индивидуально-трудо-

вой деятельности, а в мае 1988-го – закон «О кооперации в СССР». Однако эти нововведения не оказали спасительного действия. Российское общество погружалось в совершенно новую реальность: кооперативы, торговля с рук, которая уже не считалась нарушением закона. Все это происходило на фоне роста цен, падения производства. Огромное количество людей с хорошим образованием, имевших стабильный доход, стали безработными, они были вынуждены менять сферу деятельности и оказались среди челноков или кооператоров. Фактически общество раскололось на два новых лагеря: тех, кто пытался интегрироваться в новую реальность, и тех, кто продолжал жить старыми категориями. В год принятия закона «О кооперации» число действующих кооперативов увеличилось в 5,5 раза, число занятых в них – в 9 раз, объем реализованных услуг – в 17 раз [5, с. 54].

Процесс становления рыночных отношений в нашей стране интересен не только спецификой государственно-правовых и экономических процессов, но и ментальными реакциями общества. Их изучение является очень важным, поскольку позволяет осознать готовность общества принять или не принять те или иные изменения.

Ментальный аспект этих преобразований затронут в работах Д.В. Якуповой и Д.В. Маслова. Д.В. Якупова показала отношение россиян к происходившим преобразованиям через призму социологических опросов [6]. Безусловно, представляет интерес мнение Д.В. Маслова, который рассматривает реформы «перестройки» как ломку советских стереотипов, которые сформировались на уровне как массового сознания, так и власти [7]. В частности,

указанный автор отмечает, что изучение трансформации стереотипов позволяет понять, в какой мере само общество было предрасположено к намеченным преобразованиям экономики [7, с. 222].

Однако нам представляется, что следует проследить ментальные реакции общества сквозь призму так называемых писем во власть – обращений граждан в различные инстанции. В данном случае ментальная рефлексия не только прослеживается на уровне закрытых ответов социологических вопросов, но и позволяет показать эмоции, чувства, ментальные образы мыслей авторов. В таких письмах интересны и само содержание, и форма обращения, использование автором словесных форм и выражений.

В исторической науке есть опыт изучения процесса становления советской власти в период нэпа через призму динамики ментальных настроений на основе анализа «писем во власть». А.Я. Лившин ввел в широкий научный оборот обращения граждан к руководителям государства как источник по истории ментальности периода становления советской власти и эпохи нэпа [8]. Исследования ряда других ученых позволили накопить опыт изучения «писем во власть» как источника по истории повседневности и раскрытия механизма взаимодействия общества и власти [9–11]. В настоящий момент уже существуют определенные методические приемы работы с «письмами во власть» [12, 13]. Например, А.В. Осмачкин обосновывает различные подходы к контент-анализу текста писем по типу обращений: жалобы, предложения, доносы, а И.В. Даренская прибегает к структурному анализу текста [14, 15]. Автор настоящей статьи при обращении к письмам периода «перестройки» использовал сюжетную типологизацию, которая предполагает выделение наиболее значимых социально-экономических и общественно-политических проблем, а также вычленение эмоционального фона и настроения общества, выявление наиболее говорящих стереотипов советской ментальности. Такая работа дала возможность

проследить специфику восприятия в обществе политических, правовых, социальных проблем [16, 17].

Данная статья рассматривает особенности восприятия советской системы управления в процессе ее кризиса. Представляется, что понимание этой специфики очень важно для дня сегодняшнего, поскольку позволяет выяснить, с наследием какой ментальности приходится иметь дело. Очень важно знать, какие установки и стереотипы стойко вошли в сознание граждан и через какую призму современные россияне воспринимают процессы современной модернизации и строительства гражданского общества.

Начавшиеся в стране преобразования в ходе «перестройки» вызвали бурную реакцию общества. Граждане активно выражали свое отношение к происходившим изменениям в обращениях к руководителям государства, а также в органы печати. Очень интенсивно пыталась обсуждать новации со своими читателями газета «Советская Кубань». На ее страницах публиковались статьи, посвященные кооперативному движению, первым успешным индивидуальным предпринимателям, дискуссии читателей о роли партии; газета проводила даже социологические опросы. В Государственном архиве Кубанского края сохранилась большая коллекция писем читателей в редакцию газеты «Советская Кубань».

Большой массив обращений находится в личном фонде Б.Н. Ельцина, который относится к 1989–1991 годам и хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В этот период Ельцин еще не был главой государства, а являлся депутатом Верховного Совета и пользовался большой популярностью у граждан. Особенность российской ментальности на тот момент состояла в том, что многие граждане, выражая недовольство политикой М.С. Горбачева, связывали свои надежды с именем Б.Н. Ельцина. Это и неудивительно, потому что его первые шаги на посту первого секретаря Московского городского комитета КПСС получили широкое одобрение в сознании народа благодаря поступкам «на публику»:

личным проверкам магазинов и складов, использованию общественного транспорта, посещению поликлиник, организации в Москве продовольственных ярмарок.

Особенность указанного массива источников состоит в том, что они хорошо показывают ментальные установки авторов, однако место в управленческой системе страны демонстрируют гораздо хуже, чем некоторые аналогичные письма граждан в органы власти в 1960–1980-е годы. Бюрократическая система переписки и отписки периода «оттепели» и «застоя» порой приводила к тому, что в архивах исполнительной власти образовывался целый комплекс документов вокруг одного обращения. Этот комплекс позволяет установить и бюрократическую процедуру реагирования, и результат обращения. Что же касается коллекции писем в адрес Б.Н. Ельцина, то с достоверностью можно установить, что письма читались – это видно по некоторым пометкам в письмах, а вот весьма закономерный вопрос «Какова была реакция власти?» порой остается без ответа. Как показывает исследование М.Ф. Польшова и Е.А. Тарасовой, властные структуры вырабатывали курс реформ путем долгих дискуссий и партийной борьбы и поэтому не могли должным образом реагировать на разноплановые обращения граждан [3].

Анализ писем говорит о том, что, с одной стороны, в общественном сознании накопилось недовольство условиями жизни в советском обществе. Например, один из жителей Краснодарского края, Е.С. Покидов, очень наивно просил редакцию газеты «Советская Кубань» ответить на вопрос: «Прошу Вас сообщить мне, в какую сумму оценивается ущерб, причиненный народному хозяйству за 70 лет деятельности КПСС?» [18, л. 41]. С другой стороны, многих не устраивали сам ход «перестройки» и те преобразования, которые упали на их голову. В частности, Евтушенко из г. Барнаула выражал опасения: «Теперь поговаривают колхозы, совхозы ликвидировать, да как же можно, ведь частник не накормит всю страну, да их и не найдется сколько нужно для этой

цели» [19, л. 89]. Сильное неприятие вызвали у народа новые элементы экономической жизни: появление кооперативов, право заниматься частной предпринимательской деятельностью.

Показательны результаты проведенного редакцией газеты «Советская Кубань» среди населения края социологического опроса по отношению к частному сектору экономики. 11 декабря 1988 года газета опубликовала анкету «Что Вы думаете о кооперативах?». На 1 октября 1988 года в Краснодарском крае действовало около 1300 кооперативов, наибольшее развитие получили кооперативы по производству товаров народного потребления – 422, бытовому обслуживанию населения – 359, общественному питанию – 182 [20, с. 86]. Результаты были опубликованы в январе 1989 года. Газета получила 775 ответов, причем большинство их авторов имело опыт обращения в кооперативы по производству товаров народного потребления – 183 чел. (23,6 %) и кооперативы сферы питания – 213 (27,5 %). Большая часть отвечающих оценили качество услуг как низкое – 477 (61,6 %) и высказались против расширения сферы кооперативных услуг – 450 (58,1 %) [21, с. 2].

Особенно сильно граждане возмущались появлением продуктовых и медицинских кооперативов. Принять новации в экономике мешали две вещи. С одной стороны, граждан не устраивало качество работы кооперативов, которое вытекало из экономических особенностей момента. Многие кооператоры или ловко пользовались государственными ресурсами, перепродавая товары по повышенным ценам, или производили товары низкого качества, которые, на взгляд общества, не были предметами первой необходимости. Например, отвечая на вопросы вышеозначенной анкеты газеты «Советская Кубань», группа преподавателей Сельскохозяйственной академии отмечала, что пыталась воспользоваться услугами кооперативов по строительству дачных домиков, обивке дверей, но не смогла – из-за высоких цен [22, л. 67]. Другой автор возмущался: «Кому нужны брелки, значки, пуговицы, многие другое,

что не дает нашему государству ничего?» [22, л. 151].

С другой стороны, принять кооперативное движение мешала советская ментальность: народ не понимал, почему те услуги, которые раньше были или бесплатны, или имели символическую стоимость, стали уходить в сферу бизнеса. В частности, музыкант Иван Николаевич Мельников в письме Б.Н. Ельцину, высказывая идеи в поддержку сталинизма, характеризуя преобразования эпохи «перестройки», подчеркивал: «Ясно, что хозрасчет в транспорте, кино, музыке – неприемлемый абсурд. Медицинские кооперативы – позорное детище перестройки» [23, л. 11]. Даже различные виды деятельности, связанные с частным трудом, вызывали неудовольствие. Тот же Мельников писал: «Отменить частное такси. Деньги нужно зарабатывать, давая какую-то пользу для общества» [23, л. 11]. Советская ментальность сформировала четкое представление, что честным труд может быть только на производстве.

Весьма интересную мысль высказывает по этому поводу Д.В. Маслов, отмечая, что реформы – это еще ломка тех стереотипов, которые сформировала советская система, причем на двух уровнях – массового сознания и власти. В частности, он указывает, что советские руководители также были не в состоянии принять такое понятие, как «частная собственность», и оно стыдливо заменялось невразумительной категорией «трудовой индивидуальной собственности» [7, с. 228]. Кроме того, он подчеркивает, что руководители страны периода «перестройки» не теряли веру в свою способность решить экономические проблемы директивным путем. Эту же мысль высказывает и И.В. Упоров, замечая, что кардинальные изменения экономического строя общества не только не были заранее определены, но и даже после начала экономических преобразований долго не предвиделись как их конечная цель [4, с. 61].

Многие авторы в своих обращениях указывали на понимание того, что советская система хо-

зяйствования дает сбой и совсем не эффективна. Например, в письме Василия Пантелеевича Сулимы из Башкирской АССР говорилось: «Его величество план от достигнутого привел к производству отвратительного качества товаров группы А и Б. А это ведет к вовлечению все новых и новых источников сырья, к развитию новых бессмысленных новостроек, к бессмысленному вовлечению, транспортированию и распылению денежных, энергетических и людских ресурсов, что в свою очередь ведет к росту цен на старые и новые изделия» [24, л. 10].

Другой автор, военный пенсионер Энмар Павлович Барсов из Пскова, представил целый ряд предложений по усовершенствованию существующего строя, «цель которых исправить ошибки организации производства, порожденные (нет! Даже не сталинизмом!) догматизмом и волюнтаризмом так называемого “застоя”» [25, л. 20]. В целом он ясно осознавал недостатки плановой экономики: «“Выполнение планов”, “увеличение объемов продукции” любой ценой – таково существо этой бездарной, безответственной политики, которая по существу ничем не отличается от политики застоя и способна лишь завести страну в новые, более глубокие тупики. Авторы этой политики никак не хотят понять простых вещей: во-первых, истоки инфляции лежат не в сфере потребления, а в сфере оплаты труда» [25, л. 20]. С данными словами нельзя не согласиться. Например, в 1988 году, после экономической реформы 1987 года, когда предприятия получили возможность повышать заработную плату за счет роста прибыли, зарплата выросла на 7,0 %, а производительность труда – лишь на 4,7 %, объем производства в промышленности – на 3,9 %. К 1990 году эти противоречия, судя по статистике, только усугубились [3, с. 116].

Однако решение данных проблем Э.П. Барсов видел не в формировании рыночных механизмов, конкуренции, а в дальнейшем ужесточении нормативных норм регулирования экономики. В частности, он предлагал закрыть все заводы, фабрики, полностью свернуть строительство, закрыть все социальные институты, которые

не дают непосредственной экономической выгоды, к ним он относил и научные институты. По его мнению, все это позволит прекратить деятельность неэффективных промышленных предприятий и перебросить рабочие силы в сельское хозяйство – туда, где с помощью физической силы можно поднять экономику страны. Также он считал, что экономический рост можно обеспечить переходом опять на шестидневную рабочую неделю, ибо «гулять два выходных может только тот, кому безразлично состояние работы на его участке. Два выходных дня лишь выбивают людей из трудового ритма, прерывают производственные и организационные процессы. Порождают атмосферу праздности» [25, л. 34].

Однако, осознавая недостатки советской плановой экономики, многие авторы боялись рыночных отношений и рассматривали происходившие реформы как возвращение в страшное, темное время капитализма. Например, в коллективном письме рабочих Рижского электронного завода на имя Б.Н. Ельцина говорилось: «Пора уже всем понять, что такая перестройка, какая пропагандируется сейчас, привела к развалу дисциплины, хаосу, разворованью богатств, столкновению наций на нацию, к миллионам жертв, что конечно удовлетворяет реставраторов капитализма в России. Капиталисты радуются и говорят, что без кровопролития социализм в России превратился в капитализм, безработицу, к созданию фермеров, помещиков» [26, л. 57]. Уже цитируемый выше автор, Э.П. Барсов, предлагая развернутую систему мер по спасению социалистической экономики, заканчивал свою записку словами: «Как бы нашему народу не проснуться в кошачьих коготках новоиспеченных “Рябушинских”...» [25, л. 43]. Безусловно, такой страх капитализма возник неслучайно, и данные письма выражают глубокий пласт страхов советского общества.

В связи с этим ряд предложений граждан носил весьма фантастический характер. В частности, рабочий Владимир Ефимович Шевцов из Костромы предлагал вообще отказаться

от руководящего аппарата фабрик и заводов, полностью удалить начальство, а руководящие функции переложить на трудовые советы. Назвал он свою идею «рационализаторским предложением» и считал, что оно даст возможность увеличить производительность труда рабочих на всех предприятиях и в колхозах в 2 раза: «Надо создать трудовые советы, которыми должны руководить на каждом предприятии всей страны 5-7-9-11 человек, в зависимости от объема и плана завода-колхоза. Избранный совет предприятия выбирает себе председателя совета вместо директора. Должность директора сейчас – антигосударственная должность» [27, л. 95].

Упомянутый выше Василий Пантелеевич Сулима, весьма разумно рассуждавший о низком качестве товаров групп А и Б, предлагал достаточно парадоксальное решение вопроса: сократить число работников на предприятиях, оставив только самых толковых, а свободные руки отправить на стройки, в сельское хозяйство, на лесозаготовки [24, л. 11]. Данная рекомендация весьма ярко демонстрирует специфику сформировавшейся советской ментальности – решать экономические проблемы села за счет дополнительных бесплатных рабочих рук. Поездки городских жителей – школьников, студентов, инженеров – на сельскохозяйственные работы были привычным делом. Д.В. Маслов приводит показательный пример. В 1994 году руководители бывшего колхоза на встрече с американским фермером не могли поверить, что американец самостоятельно, на пару с женой, справляется с уборкой земельного участка в 2500 га без привлечения наемной рабочей силы [7, с. 230].

Страх и стереотипы «ужасов капитализма» и «проклятых буржуев» в общественном сознании возникли отнюдь не случайно. Советская пропаганда старательно формировала в сознании народа виденье двуполярного мира. «Два мира – два детства», «быт рабочего/женщины до и после революции» – это те образы, которые создавались с помощью средств массовой пропаганды: газет, фильмов, стендов. В частности,

Е.И. Сильнова отмечает, что огромную роль играл советский миф об исключительности социалистической системы, ее превосходстве; миф моделировался в лозунгах или словах из песен и гимнов: «Все будут, как мы!», «Мы свой, мы новый мир построим!», «Наша страна – лучшая в мире!» [28, с. 62].

Также очень большое влияние на общественное сознание оказывало знакомство с некоторыми работами В.И. Ленина, которые изучались в школе, вузе, партшколе, на партсеминарах. Например, жительница Кубани Зубкова, обращаясь со своим наказом к кандидатам в народные депутаты СССР, призывала: «Читайте труды Ленина и Сталина, так как они нас ведут к коммунизму!» [29, л. 114 об.]. Собственно, идея об отличном от буржуазных стран устройстве государства Советов была заложена в работах В.И. Ленина. В частности, в «Государстве и революции», написанной в сентябре 1917 года, Ленин подчеркивал, что необходимо «разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это не утопия, это – опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата» [30, с. 49]. В указанном труде он сформулировал один из главных принципов организации новой власти: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для “налажения”, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» [30, с. 101]. Об этом же принципе он неоднократно говорил в других работах, написанных уже после захвата власти. Например, в «Очередных задачах советской власти» в 1918 году он писал: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали, – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять. <...> Пройдет неизбежно известное время, пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения помещиков и буржуазии, поймут – не из книжек, а из собственного, советского опыта – поймут и прочувствуют, что без всестороннего, государственного учета и контроля

за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может» [31, с. 171, 184].

При этом следует отметить, что в сознании общества ленинские идеи были сформированы на основе не глубокого понимания всего его наследия, а на вычленившихся пропагандой из отдельных работ образов и стереотипов: «сломайте старую государственную машину», «диктатура пролетариата», «учет и контроль».

Поэтому идея «контроля» виделась многим гражданам как способ решения насущных задач, причем иногда в очень парадоксальной форме. Опрос, проведенный газетой «Советская Кубань» с целью выяснить ожидания граждан от «перестройки», показал, что ряд граждан жаждал снижения роли бюрократии в жизни общества. Например, один из опрошенных, Виталий Алексеевич Фанюк, сказал: «До сих пор сильны командно-административные методы руководства. Вот все говорят о самостоятельности. На себе я ее пока не ощутил. Надо быстрее сломать рычаги бюрократии». Другой, анонимный, респондент газеты говорил: «Буду рад, если увижу практические результаты, добрые перемены. А их наступлению мешает бюрократизм. Вьелся он в нас. Не так просто вытравить» [32, с. 3]. Однако парадокс общественного сознания проявлялся в том, что решение многих вопросов некоторые граждане видели опять же в новых бюрократических процедурах и механизмах контроля. Очень показательным в этом плане предложение Геннадия Михайловича Кравченко из г. Ворошиловграда, который считал необходимым ввести на каждом предприятии «Паспорт Перестройки», где указывалось бы, «что нужно сделать по повышению производительности труда, механизации производительных процессов, замене определенного оборудования» [27, л. 76]. С помощью «Паспорта Перестройки» он предлагал решать и социальные вопросы: указывать в нем конкретные мероприятия по улучшению условий труда, обеспечению жильем и прочие мероприятия по повышению эффективности деятельности предприятия, учреждения и т. п.

Другой автор, член КПСС с 1942 года, участник Великой Отечественной войны Виктор Михайлович Родионов из Москвы, подчеркивал, что «перестройка» не может двигаться, потому что люди не знают, что они должны делать на своих рабочих местах. Поэтому он предлагал «разработать должностные обязанности от рядового работника до руководителя всех рангов, работающих на окладах. В работе контрольных органов, особенно на местах, привлекать пенсионеров» [27, л. 6].

Группа преподавателей Сельскохозяйственной академии считала необходимым ужесточить контроль за деятельностью кооперативов со стороны государства: «Предлагаем разрешить деятельность только производящих кооперативов, чтобы цены на их услуги соответствовали государственным с определенной наценкой. Организовать контроль за ценообразованием, источниками материалов, оборудования» [22, л. 67].

Упомянутый выше музыкант Мельников допускал даже применение силы в духе сталинских времен: «В решении некоторых проблем нужно опираться на силу, разумную, конечно. <...> Нужно провести тотальную кампанию по проверке рабочих столов в кабинетах у директоров магазинов, ресторанов, столовых подчас битком набитых купюрами. Каждый владелец автомашины должен доказать на какие деньги он ее приобрел» [23, л. 10].

Немало внимания граждане уделяли и учету. В частности, именно с помощью ужесточения мер учета некоторые авторы предлагали решить жилищную проблему. Формально в Советском Союзе получение нового жилья, а также постановка на очередь происходили строго по нормам. Однако на практике все выглядело иначе: жизненные миграции, злоупотребление служебным положением привели к тому, что многие семьи ютились в тесноте, напрасно ожидая улучшения жилищных условий, тогда как другие не испытывали стеснений в этом вопросе. Участник Великой Отечественной войны пенсионер Ф.А. Беглецкий относительно жилищной проблемы констатировал, что

огромное количество пустующих квартир «заблокировано» не только за дочками и сыновьями, но и за внуками. Поэтому он считал, что при правильном распределении можно удовлетворить не один миллион нуждающихся: «Некоторых нужно заставить самих строиться. Для правильного распределения, мне думается, следует создать комиссию на добровольных началах в составе заслуженных ветеранов войны, персональных пенсионеров в городах не менее 50 человек, в районах – 30-35» [27, л. 79].

Тотальный дефицит на многие промышленные товары в эпоху «застоя» сформировал еще одну специфическую черту советской ментальности: необходимость «доставать» товары, стоять в очереди за ковром, стенкой стала обыденностью и не воспринималась как аномалия жизни. Авторы некоторых писем, продолжая идеи «Утопии» Томаса Мора, верили, что решить проблему нарастающего дефицита можно через систему нормированного распределения. Например, военный пенсионер Б.Г. Сильченко ради социальной справедливости предлагал ввести карточную систему на дефицитную продукцию. Причем он рассматривал это не как временную меру, а как постоянную систему распределения товаров. Являясь сторонником жесткого контроля над занятостью всех работоспособных людей, Сильченко считал необходимым распределять эти карточки только по месту работы (по месту жительства допускал выдачу только пенсионерам и инвалидам). Тогда, по его мнению, такая система «перекроет кислород спекулянтам, торговцам, люди не будут ездить по стране в поисках дефицита. Будет меньше потерь рабочего времени, т. к. очереди ликвидируются» [25, л. 15].

Порой в головах некоторых авторов пересекались противоположные идеи. В частности, анонимный автор, начавший трудовую деятельность в 15 лет и имевший рабочий стаж 33 года, хорошо понимал проблемы сельского хозяйства: «В сельском хозяйстве распустить все совхозы, так как на протяжении существования нашего государства они не справились со своей

задачей на 150 %, а только на 40 %. Общество понесло убыток. Предлагаю отдать все земли в аренду, на местах строить в обязательном порядке небольшие заводы по переработке и хранению продукции и доставке потребителю согласно заявкам предприятий, где работают люди» [33, л. 66 об.]. И одновременно он наивно полагал, что вопросы снабжения города можно решить нормативным распределением: «Рабочие должны заполнять специальные карточки на год, в чем кто нуждается и в каком количестве. Заявки проработать на ЭВМ и они уходят к арендаторам и на фабрики. Отменить дутые планы» [33, л. 67].

Однако талоны и карточки – это очень болезненный элемент в системе ценностей российского общества начала 1990-х годов. Здесь опять же проявляется специфика российского сознания – карточки были известным делом для российского общества: они были и в довоенное время, и послевоенное, решали проблему снабжения в кризисное время. Поэтому одни рассматривали нормированное снабжение как механизм спасения общества от дефицита, другие – как страшный позор советской экономики. Распределение товаров по талонам – один из главных укоров в отношении «перестройки». В частности, пенсионер Титов из г. Гродно вопрошал: «А что мы получили за четыре года перестройки? Во многих районах, городах, областях и республиках существует карточная система на сахар, моющие средства, мыло, чай, животное масло, мясопродукты. Например, в нашей Гродненской области по талонам будут продавать: 2 пачки порошка на три месяца, 1-2 куски туалетного мыла на три месяца, 1 кусок хозяйственного мыла на шесть месяцев. И это помимо получаемого по талонам сахара. На восьмидесятом году советской власти, на сорок пятом году после войны и на пятом году перестройки. А что депутаты из числа союзного, республиканского, областного руководства тоже получают мыло, порошки, чай, продукты?» [25, л. 145].

Читатели газеты «Советская Кубань» с возмущением писали по поводу введенных талонов

на сахар: «Что же получается, не хватает сахара, что только по 2 кг в месяц на человека? Особенно мала эта норма в летний период, когда появляются фрукты (многие имеют дачи), хочется сварить компоты, варенье, испечь торт или пирог, который вкуснее магазинного, а чай пьет зимой и летом каждый. Зачем лишать людей этого удовольствия?» [34, л. 140].

Однако, как показывает анализ писем, среди авторов были и те, кто уже в начале «перестройки» понимал необходимость внедрения рыночных элементов экономики. Например, Алексей Лашманов из Костромской области в своей статье в газету «Правда», которая так и не была опубликована, аргументированно выступал в защиту частной собственности: «Преимущество капиталистического производства над социалистическим в настоящее время очевидно и это понимает все больше и больше число людей. И оно заключается в том, что на Западе все, включая землю, пашни, дороги, леса, фабрики и заводы, принадлежит хозяину. Хозяин все хозяйственно-экономические вопросы решает быстро и оперативно в зависимости от спроса рынка и других не менее важных обстоятельств. Ему не надо спрашивать дядю из министерства, что и как делать, или согласовывать с Госпланом, Госнабом, министерством финансов. Он хозяин и он подчиняется только рыночным законам» [35, л. 67 об.]. Слова «понимает все больше и больше число людей» не были пустыми. Как отмечают М.Ф. Польшов, Е.А. Тарасова, к лету 1990 года изменения в пользу перехода к рыночной экономике произошли в сознании не только высшего руководства страны, но и в общественном. По данным опроса ВЦИОМ, в 1990 году 56 % респондентов поддерживали переход к рынку. Однако одновременно 60 % понимали, что этот переход быстрых результатов не даст и, возможно, спровоцирует политический кризис [3, с. 117]. В то же время Д.В. Якупова приводит данные социологических исследований 1990 года, согласно которым 83 % опрошенных пребывали в уверенности, что экономические трудности вызваны ошибками руководства,

и лишь 17 % полагали, что причина – в хозяйственной порочности самого социализма [6, с. 85].

Таким образом, можно сделать вывод, что общественные настроения на рубеже 1989–1990-х годов сочетали в себе недовольство существующими экономическими отношениями и негативные оценки административного аппарата, но в то же время и убежденность в исключительности существующего социалистического строя. Представления о рыночных отношениях в общественном сознании отличались парадоксальностью и не обладали целостностью, соответствующей идеям гражданского общества. Такая ситуация не случайна и не нова для России. Подобные парадоксы рыночного сознания встречались и в эпоху нэпа. Как указывает А.Я. Лившин, в общественных настроениях, особенно крестьянства, наблюдалась спутанность культурных установок простых людей. Он же отмечает, что крестьяне не понимали механизмов функционирования рынка даже на уровне базовых терминов. Например, такие слова, как «рынок», «бюджет», «ценообразование», могли интерпретироваться весьма своеобразно. Безусловное влияние на общественное сознание оказывала официальная пропаганда, которая дискредитировала образ частного предпринимателя [8, с. 283]. Нелепая фигура малосимпатичного толстого человека во фраке, возникнув в эпоху нэпа как символ антигероя того времени, надолго сохранилась в официальной пропаганде и в последующем обозначала всю «проклятую буржуазию».

Можно констатировать, что советская пропаганда прочно укрепила в сознании народа представление о враждебности капиталистического общества. На протяжении всего существования советского строя рыночные механизмы были известны народу по работе К. Маркса «Капитал», однако под влиянием плановой экономики, широкой агитации понимались как чуждые справедливому обществу. Поэтому первые бизнесмены эпохи «перестройки» воспринимались негативно и даже враждебно.

В советской ментальности очень четко укрепилось представление, что честный труд может быть только за станком и только на производстве. Безусловно, масла в огонь подливала специфика первичного накопления капитала в России: широкое использование административного ресурса, прямая спекуляция, криминальный бизнес.

В общественном сознании также сформировалось представление о плановой экономике как о позитивной альтернативе «ужасам капитализма», что породило еще одну особенность советской ментальности – веру в нормативные и командные способы решения проблем общества. Парадокс общественного сознания состоял в том, что общество, с одной стороны, уже не желало жить при старых порядках, устало от бюрократизма, несовершенства управленческой системы, с другой – все надежды на лучшее связывало именно с сохранением социалистического общества.

Итак, процесс становления рыночных отношений в нашей стране требовал еще и преодоления ментальных установок, общество было не готово принять реалии в силу не только новизны, но и привычных стереотипов. Спустя 20 лет после перестроечных реформ, по данным опроса Института комплексных социальных исследований РАН, 33 % респондентов были убеждены, что реформы необходимо было проводить, не разрушая основ социалистического строя. Это даже больше, чем сторонников такой точки зрения в 1995 году. А вот за рынок западного типа высказывались и в 1995, и в 2005 году только 12 % [36, с. 368]. Такие общественные настроения вполне понятны, поскольку очень противоречивый процесс становления рыночных отношений не может быть простым. Он требует длительной работы как по формированию системы социальных институтов, защищающих население от издержек рыночной экономики, так и по формированию новой ментальности путем длительной просветительской работы.

Список литературы

1. Струсь К.А., Аракелян Э.Р. Элементы гражданского общества // *Вопр. соврем. юриспруденции*. 2013. № 27. С. 136–139.
2. Илюхина И.Б., Марченкова Л.М., Захаров В.В. Экономическая система в структуре гражданского общества // *Науч. зап. ОрелГИЭТ*. 2012. № 2(6). С. 324–327.
3. Польшов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989–1991 гг. // *Новейшая история России*. 2017. № 1(18). С. 113–127. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.107
4. Упоров И.В. Планы обновления социалистической экономики СССР и их провал: к 30-летию начала «перестройки» // *Соврем. науч. мысль*. 2015. № 5. С. 57–67.
5. Родионов Е.В. К вопросу о развитии кооперативного движения в СССР в период перестройки // *Казан. науч. ука*. 2013. № 9. С. 52–56.
6. Якупова Д.В. Рыночные реформы в восприятии населения СССР/России в начале 1990-х гг. (по материалам Пензенской области) // *Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманит. науки*. 2016. № 2(38). С. 83–93. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-8
7. Маслов Д.В. Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивида // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Ист. и полит. науки*. 2018. № 5. С. 221–241. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241
8. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН: Фонд «Президент. центр Б.Н. Ельцина», 2010. 343 с.
9. Божичко В.В. «Просим вернуть нашу телку, а то напишем Сталину»: жалобы колхозников Рязанской области для защиты своих прав в 1940–1950-е годы // *Вестн. Ряз. гос. ун-та им. С.А. Есенина*. 2017. № 3(56). С. 39–48.
10. Рожков А.Ю., Мамонтова О.А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в Советской России 1920-х гг. // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 1(57). С. 85–93. DOI: 10.24158/fik.2019.1.14
11. Сухова О.А. В поисках социальной идентичности: советское общество в зеркале эпистолярного наследия эпохи // *Вестн. архивиста*. 2017. № 4. С. 101–110. DOI: 10.28995/2073-0101-2017-4-101-110
12. Попова О.Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищенстве...»: мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // *Урал. ист. вестн.* 2017. № 3(56). С. 127–135.
13. Орлов И.Б., Лившин А.Я. Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927-е годы) // *Социол. исслед.* 1999. № 2. С. 80–88.
14. Осмачкин А.В. Значение письменных обращений советского населения к власти в 1945–1961 гг. // *Культура. Духовность. Общество*. 2014. № 15. С. 94–98.
15. Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // *Вопр. всеобщей истории*. 2013. № 15. С. 31–36.
16. Попова О.Д. «Многопартийность должна быть социалистической...»: обращения граждан к власти как источник о политическом сознании россиян в 1989 году // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 4. С. 1028–1041. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.412
17. Попова О.Д. Процесс восприятия экономических реформ эпохи «перестройки» и специфика ментальности российского общества // *Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Рязань, 23–24 апреля 2015 года*. Рязань: Концепция, 2015. С. 67–70.
18. Государственный архив Кубанского края (ГАКК). Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 21.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-664. Оп. 1. Д. 45.
20. Домнич Е.А. Основные направления государственной социальной политики и их реализация в Краснодарском крае в 1980-е годы // *Ист. и соц.-образоват. мысль*. 2017. Т. 9, № 6, ч. 2. С. 84–87. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-84-87
21. Совет. Кубань. 1989. 13 янв.
22. ГАКК. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 3.

23. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 331.
24. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 73.
25. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 332.
26. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 54.
27. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 339.
28. Сильнова Е.И. Образ Советской России: человек и общество в контексте национальной ментальности // *Вопр. культурологии*. 2010. № 5. С. 61–65.
29. ГАКК. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 21.
30. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. 433 с.
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1976. Т. 36. 741 с.
32. Совет. Кубань. 1988. 25 февр.
33. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 53.
34. ГАКК. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 7.
35. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 71.
36. Горшков М.К., Петухов В.В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / сост. В.Б. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 362–400.

References

1. Strus' K.A., Arakelyan E.R. *Elementy grazhdanskogo obshchestva* [Elements of Civil Society]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii*, 2013, no. 27, pp. 136–139.
2. Ilyukhina I.B., Marchenkova L.M., Zakharov V.V. *Ekonomicheskaya sistema v strukture grazhdanskogo obshchestva* [Economic System in the Structure of Civil Society]. *Nauchnye zapiski OrelGIET*, 2012, no. 2, pp. 324–327.
3. Polynov M.F., Tarasova E.A. *Perekhod k rynochnoy ekonomike v SSSR v gody perestroiki: bor'ba za sozdanie kontseptsii. 1989–1991 gg.* [The Transition to the Market Economy in USSR During Perestroika: The Creation of the Concept, 1989–1991]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2017, no. 1, pp. 113–127. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.107
4. Uporov I.V. *Plany obnovleniya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR i ikh proval: k 30-letiyu nachala "perestroiki"* [Plans of Upgrade of Socialist Economy of the USSR and Their Failure: On the 30th Anniversary of Beginning of the "Perestroika"]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2015, no. 5, pp. 57–67.
5. Rodionov E.V. *K voprosu o razvitii kooperativnogo dvizheniya v SSSR v period perestroiki* [The Development of the Cooperative Movement in the Soviet Union During the Adjustment Period]. *Kazanskaya nauka*, 2013, no. 9, pp. 52–56.
6. Yakupova D.V. *Rynochnye reformy v vospriyatii naseleniya SSSR/Rossii v nachale 1990-kh gg. (po materialam Penzenskoy oblasti)* [Market Reforms in Public Perceptions in the USSR/Russia in the Early 1990s (by Materials of Penza Region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 2, pp. 83–93. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-8
7. Maslov D.V. *Ekonomicheskie reformy v sovremennoy rossiyskoy istorii kak transformatsiya stereotipov povedeniya individa* [Economic Reforms in Modern Russian History as the Transformation of the Individual's Stereotypes of Behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki*, 2018, no. 5, pp. 221–241. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-221-241
8. Livshin A.Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.* [Sentiments and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow, 2010. 343 p.
9. Bozhichko V.V. *"Prosim vernut' nashu telku, a to napisem Stalinu": zhaloby kolkhoznikov Ryazanskoy oblasti dlya zashchity svoikh prav v 1940–1950-e gody* [Complaints Issued by Collective Farm Workers of the Ryazan Region in the 1940s – 1950s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2017, no. 3, pp. 39–48.
10. Rozhkov A.Yu., Mamontova O.A. *Pis'ma "vo vlast'" kak istoricheskiy istochnik izucheniya sotsial'nykh problem studenchestva v Sovetskoj Rossii 1920-kh gg.* [Letters to the Authorities as a Historical Source of Studies

on Students' Social Problems in Soviet Russia in the 1920s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2019, no. 1, pp. 85–93. DOI: 10.24158/fik.2019.1.14

11. Sukhova O.A. V poiskakh sotsial'noy identichnosti: sovetское obshchestvo v zerkale epistol'yarnogo naslediya epokhi [Searching for Soviet Identity: Soviet Society as Reflected in the Epistolary Heritage of the Era]. *Vestnik arkhivista*, 2017, no. 4, pp. 101–110. DOI: 10.28995/2073-0101-2017-4-101-110

12. Popova O.D. “Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchenstve...”: mysli i dumy sovet'skogo naroda nakanune 50-letiya Oktyabrya [“The Government Is Living Under Communism, While We, in Poverty...”: Thoughts and Desires of the Soviet People on the Eve of the 50th Anniversary of the October Revolution]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2017, no. 3, pp. 127–135.

13. Orlov I.B., Livshin A.Ya. Sotsiologicheskii analiz “pisem vo vlast'” (1917–1927-e gody) [Sociological Analysis of “Letters to the Authorities” (1917–1927s)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1999, no. 2, pp. 80–88.

14. Osmachkin A.V. Znachenie pis'mennykh obrashcheniy sovet'skogo naseleniya k vlasti v 1945–1961 gg. [The Importance of Letters from Soviet People to the Authorities in 1945–1961]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, 2014, no. 15, pp. 94–98.

15. Darenskaya I.V. “Pis'ma vo vlast'” kak istochnik analiza otnosheniy vlasti i obshchestva v 1920–30-e gg. [“Letters to the Power” as the Source of the Analysis of the Relationship Between Power and Society in 1920–30s]. *Voprosy vseobshchey istorii*, 2013, no. 15, pp. 31–36.

16. Popova O.D. “Mnogopartiynost' dolzhna byt' sotsialisticheskoy...”: obrashcheniya grazhdan k vlasti kak istochnik o politicheskom soznanii rossiyan v 1989 godu [“The Multi-Party System Should Be Socialist...”: Letters of Russian Citizens to the Government as Historical Landmarks About the Political Consciousness of Russians in 1989]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1028–1041. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.412

17. Popova O.D. Protseess vospriyatiya ekonomicheskikh reform epokhi “perestroyki” i spetsifika mental'nosti rossiyskogo obshchestva [The Process of Perceiving Economic Reforms of Perestroika and the Mentality of Russian Society]. *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva* [Person, Image, Word in the Context of Historical Time and Space]. Ryazan, 2015, pp. 67–70.

18. *State Archives of Kuban (SAK)*. Coll. R-811. Inv. 1. Fol. 21 (in Russ.).

19. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 45 (in Russ.).

20. Domnich E.A. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy sotsial'noy politiki i ikh realizatsiya v Krasnodarskom krae v 1980-e gody [Main Directions of National Social Policy and Its Implementation in Krasnodar Region in the 1980s]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2017, vol. 9, no. 6. Pt. 2, pp. 84–87. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-84-87

21. *Sovetskaya Kuban'*, 13 January 1989.

22. *SAK*. Coll. R-811. Inv. 1. Fol. 3 (in Russ.).

23. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 331 (in Russ.).

24. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 73 (in Russ.).

25. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 332 (in Russ.).

26. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 54 (in Russ.).

27. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 339 (in Russ.).

28. Sil'nova E.I. Obraz Sovetskoy Rossii: chelovek i obshchestvo v kontekste natsional'noy mental'nosti [The Image of Soviet Russia: Person and Society in the Context of National Mentality]. *Voprosy kul'turologii*, 2010, no. 5, pp. 61–65.

29. *SAK*. Coll. R-811. Inv. 1. Fol. 21 (in Russ.).

30. Lenin V.I. *Complete Works*. Moscow, 1969. Vol. 33. 433 p. (in Russ.).

31. Lenin V.I. *Complete Works*. Moscow, 1976. Vol. 36. 741 p. (in Russ.).

32. *Sovetskaya Kuban'*, 25 February 1988.

33. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 53 (in Russ.).

34. *SAK*. Coll. R-811. Inv. 1. Fol. 7 (in Russ.).

35. *SARF*. Coll. A-664. Inv. 1. Fol. 71 (in Russ.).

36. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Perestroyka glazami rossiyan: 20 let spustya [Perestroika Through the Eyes of Russians: 20 Years Later]. Kuvaldin V.B. (comp.). *Proryv k svobode: O perestroyke dvadtsat' let spustya (kriticheskiy analiz)* [Breakthrough to Freedom: On Perestroika Twenty Years Later (Critical Analysis)]. Moscow, 2005, pp. 362–400.

DOI: 10.37482/2687-1505-V059

Ol'ga D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin;
ul. Svobody 46, Ryazan, 390000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-7970> e-mail: od-popova@mail.ru

**ACCOUNTING AND CONTROL AS MECHANISMS FOR SOLVING ECONOMIC PROBLEMS AS VIEWED BY RUSSIAN CITIZENS OF THE PERESTROIKA ERA
(Based on the Analysis of Letters to the Authorities)**

This article deals with the public attitude toward the economic reforms of 1989–1990, specifically, the citizens' suggestions on how to improve the country's economy. The author analyses previously unpublished letters written by Russian citizens and addressed to the country's leaders (Boris Yeltsin and Mikhail Gorbachev) or sent to Soviet newspapers. To investigate people's mental attitudes, the article focuses not only on social polling, but also on emotions, feelings, and thoughts shared by the letter-writers. The author of this article maintains that many citizens feared that the country would be swept away by the avalanche of capitalism and were prejudiced against perestroika-induced innovations. Habitual mental attitudes were undermined by the cooperative movement and private entrepreneurship. Various unrealistic and paradoxical suggestions were not infrequently made by the letter-writers who knew very little, if anything, about market economy. The majority of people suggested that command economy with its bureaucratic flavour should be improved. The analysis shows that Russian citizens' mental attitudes were predominantly shaped by the notion of a bipolar world, as well as by Vladimir Lenin's teaching about the socialist state and its role in the accounting and control over the Soviet state. The letters demonstrate that Russian citizens hoped to upgrade the Soviet economy through improvements introduced into the system of accounting and control, through harsher regulatory measures imposed on the economic system, as well as through rationing and strictly supervised distribution of goods. Many people believed that socialism was inviolable and that the Soviet economy could be improved by means of administrative reforms.

Keywords: *market economy, rationing, cooperative movement, private property, letters to the authorities, bureaucracy, planned economy, perestroika.*

Поступила: 24.04.2020

Принята: 10.11.2020

Received: 24 April 2020

Accepted: 10 November 2020

For citation: Popova O.D. Accounting and Control as Mechanisms for Solving Economic Problems as Viewed by Russian Citizens of the Perestroika Era (Based on the Analysis of Letters to the Authorities). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 6, pp. 15–28. DOI: 10.37482/2687-1505-V059